

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. Криштаносова

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
факультет культурологии и социокультурной деятельности,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь
e-mail: spirinaelena@tut.by

В статье автор рассматривает основные модели миграционной политики (ассимиляцию, сегрегацию и мультикультурализм), проводит анализ положительных и отрицательных моментов в их реализации, а также делает вывод о важности выбора государством той или иной модели миграционной политики для урегулирования межгрупповых интеракций и сохранения межкультурного многообразия в современном мультикультурном обществе.

Ключевые слова: мультикультурализм, ассимиляция, сегрегация, ценностно-смысловые установки, универсализм, партикуляризм.

SPECIFICITY OF INTERCULTURAL VARIETY IN THE EPOCH OF GLOBALIZATION

E. A. Krishtanosova

Belarusian State University of Culture and Arts,
Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities,
Rabkorovskaya st. 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: spirinaelena@tut.by

In the article, the author examines the main models of migration policy (assimilation, segregation and multiculturalism), analyzes the positive and negative aspects in their implementation, and also concludes the importance for the state to choose one or another model of migration policy to resolve intergroup interactions and preserve the intercultural diversity of the multicultural society.

Key words: multiculturalism, assimilation, segregation, value-semantic attitudes, universalism, particularism.

Современная ситуация постмодерна, в отличие от модерна, характеризуется свойством множественности «жизненных миров». Действительно, проблема культурного многообразия обусловлена конкретными процессами, протекающими сегодня в мире. Об этом говорит У. Эко, проводя параллели между настоящим временем и Средневековьем, ибо тогда, как и сейчас, происходило гран-

диозное культурное смешение. Он отмечает, что в современной Европе происходит миграция, сравнимая с ранней индоевропейской миграцией с Востока на Запад или же с вторжением варваров в Римскую империю и образованием романо-германских государств. «Лет через сто Европа может стать континентом цветных. Это еще одна причина, по которой надо быть готовым в культурном отношении принять многообразие, принять смешение разных народов, принять этот беспорядок, – иначе нас ждет полный провал» [2, с. 20].

И. Гердер считал основным способом сохранения межкультурного многообразия взаимодействие культур. Каждая культура развивается во взаимодействии с другой, и великие культурные явления рождаются только в диалоге. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1, с. 98–99].

Современным процессам глобализации сопутствует расширение миграционных потоков. Так, ежегодно в страны ЕС через различные нелегальные каналы въезжает около полумиллиона мигрантов, не считая еще 400 000 человек в год, которые официально ищут убежища на европейском континенте [5, с. 44]. Долгое время основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, считалась культурная неоднородность общества. Список гомогенных в этнокультурном отношении государств мира, составленный К. Янгом, включает всего 11 стран: Барбадос, Бахрейн, Ботсвана, Катар, обе Кореи, Коста-Рика, Лесото, Тунис, Уругвай и Япония [4, с. 184]. Поэтому проблема поиска единых оснований жизнедеятельности и самореализации для всех населяющих страну этнокультурных групп считается одной из ключевых в деле становления и развития современного общества. Ключевой статус этой проблемы в современных государствах связан с настоящей неизбежностью процесса объединения групп внутри конкретной страны и соответствующей ей национальной культуры. Однако это вызывает ряд проблем.

Во-первых, любая группа представляет собой совокупность людей, которым свойственно определенное мировоззрение, на котором во многом строится процесс не только групповой, но и личностной идентификации. Представитель группы ограничен в возможностях заме-

ны ее основных компонентов, поскольку ценностно-смысловые установки, порожденные процессами социализации и инкультурации, не могут быть вытеснены из его сознания. Группа может оставаться самоценной целостностью до тех пор, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей векторы дальнейшего развития. Потому попытки унификации групп вызывают протест, даже если причины его не всегда полностью осознанны. Во-вторых, механическое объединение этноса и этнокультурных групп имело бы, несомненно, последствия и для титульной культуры – и, возможно, негативные. В рассматриваемой нами современной ситуации их включение в дискурс господствующей культуры тоже не могло бы пройти безболезненно, в том числе и для национальной идеи, что всегда связано с реальной опасностью разрушения государства изнутри.

В современном мире тенденции **культурной универсализации**, порожденные процессами глобализации, приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что глобализация не только интенсивно изменяет экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей.

Таким образом, глобализация ставит человечество перед необходимостью единства. Иными словами, основная идея культурной универсализации в современном контексте – это создание «мирового сообщества» для совместного решения экономических, политических и культурных проблем. При этом основной упор делается на этнокультурные группы, которые, по представлению современных универсалистов, готовы безропотно «раствориться» в доминантной культуре. Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Здесь мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны, именно глобализация побуждает к поиску и попыткам выработки универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость являются базовыми для универсальной картины мира любой этнокультурной группы, проявляясь в конкретных условиях в виде локальных модификаций.

Однако, с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру – к западной цивилизации. Этот принцип «однополярности мира» не нов: исторически сложилось

так, что несколько наиболее развитых культур выступали в качестве семиотических центров, и на их фоне все остальные культуры находились на правах периферии. В силу подражания «центрам» периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она – отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно – утрачивала свои культурные корни, традиции, нормы и т. д., что всегда предшествует утрате идентичности этносов и групп.

Поэтому в целях создания искусственной гомогенизации внутри государства, политические и культурные элиты долгие годы, как правило, делали акцент на ассимиляцию (например, Франция, США и др.). Поэтому, несмотря на все позитивные тенденции и необходимость всечеловеческого сотрудничества, процесс глобализации способствует унификации локальных культур. Именно поэтому ассимиляция как стратегия по отношению к иммигрантским культурам использовавшаяся на протяжении прошлого века многими европейскими странами, в большинстве случаев себя не оправдала. Ксенофобия, фанатизм, фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм – вот лишь некоторые побочные результаты попыток проводить подобную стратегию в поликультурной среде.

В ответ на это представители **партикуляризма** делают акцент на сохранении особенностей этнокультурных групп путем их изоляции и самоизоляции. Иными словами, единственно возможный путь в борьбе против насильственной унификации – «самогеттоизация» этнокультурных групп, благодаря которой якобы возможно осуществление бесконфликтных межгрупповых интеракций «на расстоянии».

При этом и сторонники партикуляризма не отказываются от идей диффузионизма как возможности взаимного обмена культурными продуктами в целях символического обогащения.

В соответствии с этим была выдвинута модель миграционной политики, позволяющая контролировать этнокультурные группы: модель «сепарации/сегрегации» (например, Германия, Австрия, Великобритания). При таком подходе иммигрант находится в ситуации «гетто», т. е. изолирован от большинства населения. Ему предоставляется рабочее место, но количество его культурных контактов с представителями титульного этноса ограничено. Неудивительно, что эта модель также не оправдала себя, что выразилось, например, в создании миграционных кварталов и даже попыток отдельного их саморегулирования. Таким образом, как мы видим, не оправдалась и изоляционистская стратегия миграционной политики.

Можно констатировать, что партикуляризм как стратегия взаимоотношений культур в тех целях, в каких мыслят его апологеты, несостоятелен, поскольку является излишним. Каждая культура органически приемлет заимствования лишь в том виде, в котором они соотносятся с выработанными и утвердившимися в ней ценностями и обычаями. Можно предположить, что культура как таковая, вероятно, имеет встроенные в нее механизмы притяжения и отталкивания чужеродных новшеств, а намеренно возведенные препятствия могут лишь усугубить межкультурные конфликты. Подводя итог, можно сказать, что, на наш взгляд, партикуляризм настаивает не на «равенстве в своеобразии», а на усугублении различий, на «различиях ради различий».

Краткий анализ моделей миграционных политик демонстрирует, что в свете дилеммы «универсализм – партикуляризм» культурная ситуация XX–XXI вв. одновременно центристская и центробежна: с одной стороны, этнокультурные группы пытаются прийти к согласию и к созданию единого сообщества, а с другой, стремятся локализоваться. Ни один из этих выходов не представляется нам полностью безупречным по причинам, приведенным выше.

Именно несовпадение разновекторных ценностно-смысловых установок и нежелание найти консенсус порождает конфликтные взаимодействия этнокультурных групп с одной стороны и титульного этноса – с другой.

В связи с этим приблизительно с 70-х гг. XX в. многие страны оставляют не увенчавшиеся успехом усилия добиться этнокультурной гомогенности общества и провозглашают своим идеалом интеграцию без ассимиляции. На общество начинают смотреть не как на культурное единство, а как на совокупность равноправных этнокультурных и этноконфессиональных сообществ. Такая направленность исходит из стратегии мультикультурализма.

На наш взгляд, это наиболее продуктивный вариант взаимодействия современных культур в глобализирующемся мире. Главный императив политики мультикультурализма – равенство типологически и аксиологически различных культур, предполагающее их толерантное взаимодействие. Широкое распространение идей мультикультурализма – общих, при множестве его конкретных воплощений – неотъемлемая характеристика бытия и «со-бытия» многих народов в современную эпоху. Не случайно бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали объясняет его возникновение как следствие процесса глобализации: «Мы не перестаем говорить о глобализации. Это,

действительно, реальность. Глобализируются экономика, финансы, коммуникации. Мир сталкивается с проблемами, принявшими глобальные масштабы в сфере экологии, организованной преступности, борется с глобальными эпидемиями. Чего нам не хватает – это глобализации демократии, ее распространения на международные отношения. А наилучший способ добиться этого – поддержание культурного разнообразия, я называю это мультикультурой» [6].

Термин «мультикультурализм» означает *теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования многочисленных разнородных культурных сообществ* [5, с. 9]. При помощи стратегии мультикультурализма возможна разработка норм взаимодействия, которые позволят сформировать такие ценностные ориентации и схемы поведения, которые помогали бы представителям различных культур понимать друг друга и толерантно сосуществовать в едином планетарном пространстве. Но не только понимать – еще и обогащать друг друга именно благодаря собственному несходству.

В основе модели мультикультурализма лежат три принципа:

- признание государством культурного плюрализма как важнейшей характеристики гражданского общества;
- устранение препятствий, мешающих социализации маргинальных этнокультурных групп;
- поддержка воспроизводства и развития разных культур.

В связи с этим мультикультурализм необходимо рассматривать как *middle is muddle but muddle is the medium*, т. е. как «золотую середину» между крайними полюсами: универсализма и партикуляризма, как консенсус в межкультурном диалоге, а точнее полилоге. Для мультикультурализма характерно стремление «снятия» (в гегелевском смысле) напряжения между полюсами локального и универсального. Он утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности.

В пестром разнообразии мультикультурных концепций можно выделить два направления: радикальное и умеренное. Основа первого – идеи толерантности и идентичности, понимаемые как высшее благо и для народов, и для самого процесса их взаимодействий. Истина вариативна, и разные народы исповедуют свое представление о ней. Потому их культуры (смыслы, идеалы, нормы и т. д.) с необходимостью должны быть разными, причем степень этой разности может быть абсолютной. Умеренный мультикультурализм развивает концепцию разграничения позитивной и негативной то-

лерантности и вариативности истины, находящей свою специфическую форму проявления в каждой из культур (Э. Джемс). Умеренный мультикультурализм утверждает, что далеко не каждая традиционная истина позитивна. Более того, и такая прекрасная установка, как толерантность, тоже относительна. Известно, что толерантность может приносить и горькие плоды ассимиляции и аккультурации.

Необходимо отметить, что введение мультикультурной политики в различных государствах было ориентировано на решение разных проблем. Кроме того, любая мультикультуралистическая модель с необходимостью строится на фундаменте ценностей, идей и идеалов конкретного общества. Поэтому и мультикультурные политики существенно отличаются от страны к стране. Единой стратегии мультикультурализма нет и не может быть не только по экономическим, политическим, социальным причинам, но и – главное – по причине ценностных установок государств, которые во многом определяют экономику и политику. «Общий», «абстрактный» мультикультурализм, мультикультурализм «как таковой» мог быть проповедовать некие универсальные ценности, приоритеты, принципы для всех государств, но при этом каждое из них должно разрабатывать и внедрять свою индивидуальную стратегию с учетом собственной специфики.

Тем не менее такая условная модель с необходимостью должна базироваться на некоторых неукоснительных в смысле соблюдения принципах:

- признание необходимости свободы творческого самовыражения всех граждан;
- возможность для граждан делать выбор из многообразного спектра образцов культуры;
- государственная поддержка национальной культуры с помощью ряда финансовых и законодательных мер;
- взаимодействие государственного и общественного уровней поддержки культуры.

Эта модель дает возможность индивиду самовыразиться и самореализоваться, невзирая на его этническую и конфессиональную принадлежность и не отказываясь от нее, но в то же время не самоустраняться от общенациональной культуры. В силу этого элементы этнических культур сохраняются в инокультурном окружении. Использование модели способствует разработке комплексных программ по адаптации иммигрантов, не ущемляя интересов «коренного» населения. К сожалению, как показал наш анализ, ни одна

из мультикультурных стран пока не достигла этого идеала. Мы считаем, что использование такой программы с учетом специфических особенностей страны, способствует признанию самоценности культурного разнообразия страны и сохранению этнокультурных традиций всех – и доминантной и миноритетных этнокультурных групп.

О политике мультикультурализма высказываются неоднозначно, зачастую в негативных тонах. Такие публикации переполнены примерами ошибок и перегибов в осуществлении этих программ в США и Европе. Действительно, программа мультикультурализма первоначально развивалась как сугубо инструментальный и экспериментальный проект. Лишь недавно началось ее теоретическое осмысление, и можно не сомневаться, что это приведет к коррективам. Описание «провалов» политики мультикультурализма отечественными и зарубежными авторами не сопровождается оценкой ее реальных успехов.

Политика мультикультурализма противостоит дискриминации, угнетению и подчеркивает индивидуальное достоинство, присущее всем. «Данная концепция выполняет функцию, обеспечивающую климат доверия» [3, с. 162]. На наш взгляд, именно эта задача является наиболее приоритетным условием развития современного мира и сосуществования в нем множества народов и культур.

Литература

1. Горобинский, М.О. Михаил Бахтин: парадоксы диалогического отношения к монологической культурной традиции / М.О. Горобинский // Культура и традиции: сб. науч. трудов. – Екатеринбург; Нижневартонск: УрО РАН, 1995. – С. 98–107.
2. Малахов, В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов // Иностранная литература. – 2010. – №11. – С. 19–27.
3. Паин, Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э.А. Паин. – 2-е изд., доп. – М.: Новое издательство, 2014. – 358 с.
4. Янг, К. Категории культурного многообразия / К. Янг // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2017. – С. 184–189.
5. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 349 p.
6. Reid, A. Multiculturalism and Canadians: Attitude Study 1991 / A. Reid. – Ottawa: Statistics Canada, 2015. – 214 p.